

Отзыв

официального оппонента о диссертации
Шадурского Владимира Вячеславовича на тему
«Рецепция русской литературы XV–XIX веков
в творчестве М. А. Алданова»

на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.1 — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Научная работа В. В. Шадурского вызывает исключительный интерес по двум причинам. Первая — это стремление автора исследования объяснить сугубую литературность всего творчества Алданова, а вторая — попытка определить культурную валентность наследия этого писателя. И та, и другая проблемы не новы: обсуждение их началось еще при жизни писателя. Но поскольку системное обсуждение их никогда не проводилось (а научный ответ возможен только в случае системного обсуждения), диссертация В. В. Шадурского восполняет этот пробел и оказывается исключительно актуальной.

В. В. Шадурский учитывает точку зрения, согласно которой «обращение к русской классической литературе» стало для разных идеологических ветвей русской эмиграции путем «объединения различных сил и сторон, казалось бы, совершенно не способных к диалогу и консолидации» (с. 4). «Современникам Алданова — эмигрантам» русская классика позволяла «сохранить свою идентичность»; «зарубежному читателю» она давала возможность «распознать русскую ментальность и понять историю России» (с. 64). Исходя из этого, пишет В. В. Шадурский, он и строил свою работу. Вместе с тем В. В. Шадурский убедительно показывает, что Алданов как писатель принадлежал к тому литературному поколению, для которого «литературность литературы» была неизбежным и неотменяемым свойством, говоря иными словами, «поэзия сама — одна великолепная цитата». Осмыслять социальные и бытовые факты вне литературного контекста Алданов не мог. Исходя из этих постулатов, проблема новизны в литературе решается совершенно иначе. В. В. Шадурский пишет, что Алданов «выстраивал свое творчество как диалог с великими предшественниками», не «проявляя стилистическую самостоятельность», и не был «зачинателем новых приемов, идей и традиций» (с. 395). Но именно обнаженный литературный диалогизм и был тем «новым приемом», который отличал литературу постмодернизма от предшествующих этапов. Именно это и сделало Алданова современным писателем.

Другой вопрос, какие писатели и в каком качестве составляли пантеон в литературном сознании Алданова. Из литературы допетровской Руси Алданов системно упоминает только Нила Сорского и Аввакума Петрова, из числа писателей XVIII в. — Ломоносова, Державина, Радищева, Нови-

кова и Фонвизина. Все они представлены в сочинениях Алданова в первую очередь как исторические личности, а «не как авторы», «не как творцы» (с. 138). Алданов, конечно, учитывает литературное достоинство сочинений этих писателей, но оно поверяется их социальной практикой, которая оказывается в большинстве случаев репрезентативнее, чем само словесное творчество. Видимо, именно социальные практики воспрепятствовали принятию в литературный пантеон Алданова таких фигур, как Андрей Курбский и Иван Грозный. И, видимо, именно неизвестность имени автора препятствовали упоминанию в сочинениях Алданова «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»: нет автора — нет и социальной практики.

Более близкие по времени писатели первой половины XIX в. осмысляются и как авторы, и как «общественные деятели». В. В. Шадурский пишет: «Алданов разделяет художника Гоголя, <...> которого очень любит, и человека, Гоголя-учителя, которого не понимает и не принимает» (с. 209). И столь же «разделительно» Алданов относился и к другим писателям этого времени: Грибоедову, Пушкину и Лермонтову — произведения сами по себе, политическое лицо само по себе. Разумеется, на таком расстоянии никакой «мировоззренческой или стилевой преемственности» между ними и Алдановым быть не могло (с. 212).

В принципе, такой подход к авторам более или менее далекого прошлого вполне естествен и закономерен. Автор прошлого вызывает, скорее, музейное восхищение, удивление, но ему нельзя уже наследовать, и от его наследия нельзя уже отказываться. Когда «Державиным стал Пушкин», он сразу же перестал задирать и провоцировать ответную реакцию. И только политическая (реже человеческая) позиция заставляет активно реагировать на него.

Но чем более писатель прошлого приближается к текущей современности, тем более резкой и яркой становится реакция на него. Очень доказательно и выразительно В. В. Шадурский описывает отношение Алданова к Герцену и Тургеневу, и восприятие Тургенева Алдановым (как оно описано в работе В. В. Шадурского) составляет одну из интереснейших страниц в истории русской литературы. Алданов был едва ли не первым, кто осмелился дать трезвую и нелицеприятную оценку этого «классика литературы», который до сих пор занимает одно из центральных мест в нашем иконостае и который ставил себе в заслугу, в частности, то, что он «Тютчева заставил расстегнуться» и «Фету вычистил штаны». Алданов совершенно справедливо назвал сочинения Тургенева, который вершил дело вкуса в кругу современников, «шоколадной фабрикой» (с. 238) и очень точно подметил парадоксальную ситуацию, которую до сих пор не решило отечественное литературоведение в лице даже самых тонких и авторитетных своих представителей: «прототипом „безвольного“ Рудина послужил Тургеневу Бакунин, человек больших дел» (с. 239). Этот парадокс Алданова должен заставить нас еще не один раз задуматься над тем, в какой мере

адекватна галерея исторических типов, которую мы видим в романах Тургенева и в какой мере это на самом деле галерея исторических типов на арене политической жизни России.

Разумеется, Алданов пристрастен. Но любой писатель интересен своей пристрастностью, той «энергией заблуждения», которая и позволяет открыть в известном неизвестное. В. В. Шадурский показывает это на примере восприятия Алдановым Тургенева, а далее, по всё нарастающей — на примере восприятия им Достоевского, Л. Толстого и Чехова. Пристрастность Алданова, как мы уже сказали, растет в непосредственной зависимости от того, как автор-предшественник приближается к автору-реципиенту. Между тем ни И. А. Гончаров, ни М. Е. Салтыков, ни Н. С. Лесков не вошли в пантеон Алданова. Он упоминает их в том или ином случае, но никогда эти упоминания не складываются в системную картину (так, во всяком случае я понял из рассуждений и указаний В. В. Шадурского). Отсутствие этих авторов (так же как Курбского и Грозного) имеет в картине литературного мира Алданова знаковый характер, особенно если учесть, что о Гончарове и Салтыкове ярко писали старшие современники Алданова — И. Анненский и Н. Михайловский, и Алданов знал, конечно, эти сочинения.

Едва ли стоит говорить, что восприятие Алдановым произведений и общественных позиций Достоевского, Л. Толстого и Чехова было кровно заинтересованным. И В. В. Шадурский убедительно показывает это. Однако я остановлю свое внимание только на одной детали, касающейся глубины понимания писателем художественного мира Толстого. В. В. Шадурский приводит слова из письма Алданова к Н. А. Тэффи 24 августа 1949 г.: «В сущности, в русской классической литературе не были профессионалами только Лермонтов и Толстой» (с. 190). И здесь же напомним слова одного персонажа из романа «Живи как хочешь» (1952): «...изображать характеры гораздо труднее, чем изображать „типы“. В знак высшей похвалы о писателе говорят: „его образы стали нарицательными именами!“ Похвала, по-моему, не большая. Какой-нибудь Скалозуб, или Держиморда, или унтер Пришибеев стали „нарицательными“, они „типы“, но князь Андрей и Наташа Ростова не „типы“, и ни один герой Толстого нарицательным не стал: для этого почти всегда нужно огрубление, к которому Толстой был неспособен» (с. 291). В связи с этими высказываниями Алданова естественно вспоминаются суждения о непрофессиональном характере литературной деятельности Лермонтова и Толстого, которое неоднократно высказывал Б. М. Эйхенбаум, и противопоставление типов и характеров, которое представила в своих работах Л. Я. Гинзбург. Алданов и его современники, жившие в России, независимо друг от друга, писали не только об одном и том, но писали одними и теми же словами. Алданов независимо шел в том же направлении, что и формальная школа в поздний период своего развития, и такие многозначительные совпадения со всей очевидностью де-

монстрируют продуктивность его творческого пути. И работа В. В. Шадурского помогает нам понять многие важные направления движения гуманитарной мысли XX в.

Проблема культурной валентности наследия Алданова неоднократно настойчиво актуализируется в диссертации В. В. Шадурского: «для современников он, большой, значимый писатель первого ряда эмигрантской литературы»; «в 1980–1990-е гг. Алданов мог показаться беллетристом, использовавшим популярные приемы и потому превратившимся в представителя массовой литературы» (с. 52). *Писатель первого ряда / представитель массовой литературы* — эту оппозицию В. В. Шадурский варьирует на протяжении всей работы (см., в частности, с. 138, 160, 165, 176–177). Как я понимаю, вся эта проблематика каким-то образом соотносится с интересом некоторых новейших авторов к младшим линиям и жанрам литературного процесса (в том числе и к явлению беллетристики), хотя напрямую В. В. Шадурский эту связь нигде не декларирует. Однако я думаю, что еще не настало время для суждений о том, к первому, или второму, или даже третьему ряду относится тот или иной деятель литературы XX в. (особенно «возвращенной»). А для собственно научного исследования такая оценка и вовсе не нужна. Вне зависимости от того, в какой мере литературное наследие Алданова останется актуальным для наших потомков, его роль в культурной жизни огромного числа людей, которые пытались сохранить в XX в. русскую культуру в условиях рассеяния, исключительно велика, поэтому изучение творчества Алданова несомненно актуально и весьма перспективно.

В заключении отзыва сделаю несколько частных замечаний.

В ряде случаев В. В. Шадурский проявляет удивительную нетребовательность к цитируемым авторам. Он солидаризируется с мнением М. М. Карповича о том, что «исторический пессимизм Алданова глубже толстовского» (с. 32). И если Бунин вдруг признал Лермонтова выше Пушкина, а Алданов процитировал эти слова Бунина, то В. В. Шадурский заключает, что гению Лермонтова «были открыты тайны гораздо страшнее тех, что открывались Пушкину» (с. 196). Но как нельзя измерять глубину пессимизма, так нельзя сравнивать и «страшные» тайны. Ни Карпович, ни Бунин тут не авторитеты.

Партия народных социалистов (трудовой она стала с 1917 г.) сформировалась не в 1905 (с. 217), а в конце 1906 г. И едва ли стоит безоговорочно называть П. Я. Чаадаева «прототипом главного героя» комедии Грибоедова «Горе от ума» (с. 142).

Такого рода недочеты тем более досадны, что в принципе В. В. Шадурский очень внимателен к мелочам подобного рода. Весьма примечательно его суждение о словах Алданова «Прежде мы могли утешаться формулой, завещанной России Пушкиным: „Чем хуже, тем лучше“». В. В. Шадурский справедливо замечает, что этот оборот встречается в письме

Пушкина к П. А. Вяземскому от 24–25 июня 1824 г. Но тут же уточняет: «Очевидно, что такое распространенное выражение не могло быть впервые произнесено Пушкиным» (с. 159–160). Я специально обращаю внимание на эту конструкцию, так как в настоящее время ее приписывают и Чернышевскому, и Достоевскому, и Ленину, и Мао Цзедуну.

Наконец, едва ли «книги философских диалогов», к которым относятся «Ульмская ночь», следует квалифицировать как нон-фикшн (с. 12): равно как и все другие книги аналогичного строения: от сократических диалогов Платона до «Так говорил Заратустра» Ницше, — это, разумеется, книги вымысла, а не документа. Однако в современной культурной ситуации термин *нон-фикшн* настолько размыт и многозначен, что это последнее замечание имеет скорее полемический характер.

Вообще же высказанные замечания никак не влияют на общую высокую оценку представленной диссертации.

Подводя итоги всем своим наблюдениям над исследованием В. В. Шадурского, я с большим удовольствием констатирую следующий факт. Диссертация «Рецепция русской литературы XV–XIX веков в творчестве М. А. Алданова» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение двух больших научных проблем, которые имеют важное значение для литературоведения: сугубая литературность творчества Алданова как писателя-эмигранта и культурная валентность его литературного наследия. Диссертация полностью соответствует требованиям, изложенным в пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года в действующей редакции, а ее автор Владимир Вячеславович Шадурский заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 — Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 — Русская литература),
профессор,
ведущий научный сотрудник
отдела «Литературное наследство» ИМЛИ РАН

М.В. Строганов

«02» сентября 2025 г.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

Контактные данные:

Строганов Михаил Викторович

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, отдел «Литературное наследство»

Почтовый адрес:

121069, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Арбат, ул. Поварская, д. 25 а, стр. 1

Тел. +8(495)690-50-30; e-mail: info@imli.ru; <https://imli.ru>